

НЕТ ЗАПРЕТНЫХ ТЕМ ◆ НОВЫЕ ТАЙНЫ

СВИДАНИЕ НА КРАЮ БЕСКОНЕЧНОСТИ

ОЛЬГА
ВОЛОДАРСКАЯ

Никаких запретных тем!
Остросюжетная проза О. Володарской

Ольга Володарская
Свидание на краю бесконечности

«ЭКСМО»

2026

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Володарская О. Г.

Свидание на краю бесконечности / О. Г. Володарская —
«Эксмо», 2026 — (Никаких запретных тем! Остросюжетная проза
О. Володарской)

ISBN 978-5-04-242320-8

Алиса не знала своего деда. В семье его считали предателем за то, что он оставил жену, двух сыновей и уехал в город своего детства — Ташкент, когда там произошло землетрясение. Бросил родных людей, чтобы помогать чужим. Или, как считала Алисина бабушка, сбежал, воспользовавшись трагедией... Дед состарился в одиночестве, но, почувствовав приближение смерти, нашел внучку Алису. На ее руках он и умер, а прах свой велел развеять в любимом Ташкенте. Алиса повезла его, не предполагая, сколько секретов из прошлого откроется в этом городе. А главный в том, что ее деда в Ташкенте считают убийцей, избежавшим не только суда, но и кровной мести... Ольга Володарская — известный писатель, автор более чем пятидесяти книг в жанре остросюжетного романа. Детективы Ольги Володарской сочетают остроту современной прозы и напряженность психологического триллера. В них вы найдете все, что хотели, но боялись узнать. Поэтому серия книг, в которой выходят книги Ольги Володарской, так и называется — «Никаких запретных тем»!

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-242320-8

© Володарская О. Г., 2026

© Эксмо, 2026

Содержание

Пролог	7
Часть первая	8
Глава 1	8
Конец ознакомительного фрагмента.	20

Ольга Володарская

Свидание на краю бесконечности

© Володарская О., 2026

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2026

* * *

Пролог

Мужчина, к которому приклеилась кличка Аблах, что в переводе с узбекского – негодяй, был так зол, что у него тряслись руки. Отвертка из них выпадала, и закрутить болт никак не получалось. Выругавшись, он отбросил ее. Стянул перчатки, швырнул их на пол гаража и шумно выдохнул. Надо успокоиться!

В последнее время он выходил из себя особенно часто. Что это? Неудовлетворенность жизнью? Годами копившаяся усталость? Внутренние терзания? Скорее все вместе. Гнев переполнял мужчину, и он не знал, как с ним бороться. Было время, когда его спасал ни к чему не обязывающий секс, но тот ему надоел. Алкоголь тоже не помогал, он делал его только злее. Да и не любил Аблах спиртного. Сигареты же вообще ненавидел, его от дыма тошнило, поэтому успокоительный перекур также исключался.

Отрывался Аблах на подчиненных. Как они сами говорили, пил из них кровь. И до поры все терпели, но один взбрыкнул. Молодой, горячий, наивный, он верил в торжество справедливости, а когда понял, что жизнь не сказка, принялся начальнику грозить. Но тот лишь посмеялся над ним. Счеты с Аблахом свести многие хотели, у всех оказалась кишка тонка.

Осознав, что является предметом ненависти сразу нескольких человек, он немного успокоился. Отрицательным героем быть нелегко, но он с этой ролью справляется.

Подобрав перчатки, Аблах натянул их, намереваясь вернуться к прерванному занятию, как дверь гаража скрипнула. Он обернулся.

– Чего тебе надо? – спросил он хмуро. – Вали отсюда!

И потянулся за отверткой, не догадываясь о том, что его пришли убивать!

Часть первая

Глава 1

Она опустилась на диванчик, стоящий в дальнем углу бизнес-зала аэропорта, и с облегчением выдохнула. Все досмотры и проверки документов позади, багаж сдан, паспортный контроль пройден, можно расслабиться!

Перед тем как сесть, Алиса взяла в буфете чашку капучино и два пирожка с капустой. Попробовав выпечку и напиток, она отодвинула и тарелку, и чашку. Есть ей пока не хотелось, хоть с момента последнего приема пищи прошло пять часов, а от кофе ее сердце заколотилось еще сильнее.

«Нужен чай, – подумала Алиса. – Ромашковый. Он успокаивает нервы, но тонизирует организм».

Но такого в коробке с чайными пакетиками не нашлось. Как и газированной минералки в холодильниках, там осталась только обычная, а Алисе так нравилось, как пузырьки щекочут ноздри. Это ее бодрило.

– Шампанского не желаете? – услышала она голос официанта. Он стоял у столика с алкоголем и сортировал бутылки.

Алиса согласно закивала. Шампанское – это то, что ей сейчас нужно, оно и успокаивает, и тонизирует, а пузырьки в нем не только бодрят, но и веселят. Главное, не пить больше двух бокалов, а то голова разболится.

Взяв для начала один, Алиса повернулась, чтобы пройти к своему дивану, и тут же налетела на темнокожего мужчину в объемном свитере грубой вязки.

– Сорри, – извинилась перед ним Алиса, радуясь тому, что не пролила на незнакомца ни капли. Тот в ответ улыбнулся. Широко и белозубо.

«Красивый иностранец, – подумала Алиса, удаляясь в свой закуток. – Интересно, куда он летит?»

Усевшись и сделав глоток брьюта, она нашла его глазами. Мужчина с бокалом красного вина усаживался за стойку. Он был один, без компании, поэтому сразу уткнулся в телефон. А Алиса продолжила его рассматривать.

Лет тридцать с небольшим, довольно высокий. Волосы коротко пострижены, но все равно курчавятся. Кожа оттенка кофе с молоком, аккуратный нос, губы хоть и полные, но не чрезмерно. Не чистокровный африканец, это очевидно. А скорее вообще не африканец, а кубинец. Когда Алиса отдыхала в Варадеро, видела много подобных красавчиков, но все они были одеты в обтягивающие майки и короткие шорты, а этот тонул в ворохе одежды. Не только свитер объемен, но и штаны, они широки и длинны, а на спинке стула висит плащ из мятой ткани, и он похож на парашют.

«Наверное, это все очень модно, – пронеслось в голове у Алисы. – Бесформенная одежда, изготовленная будто тяп-ляп».

Ткнувшись лицом в плечо незнакомца, Алиса успела заметить, что петли на его свитере были кривыми, будто его вязала неумеха или подслеповатая бабушка. А резинка у горла растянулась, что говорило о заношенности. Но если верить обзорам экспертов моды, дизайнеры нового поколения намеренно старили и уродовали свои изделия. На вид застиранные, дырявые, стоптанные, они стоили космических денег. Алиса этого не понимала и покупала вещи «с иголочки», хорошо сидящие по фигуре, подчеркивающие ее, а не камуфлирующие. Но что с нее, немодной, взять?

С удовольствием выпив фужер шампанского, Алиса решила от второго отказаться. Лучше налить себе чаю с молоком и съесть хотя бы бутерброд, потому что в самолете кормить не будут.

– Извините, а вы не в Анталию? – обратилась к ней женщина, усевшаяся рядом. Свободных мест в бизнес-зале становилось все меньше.

– Нет, в Ташкент, – ответила ей Алиса.

– Жаль. Мне бы компания не помешала. Одна лечу, впервые...

Ей явно хотелось поболтать, а Алисе нет, поэтому она извинилась и отошла, прихватив свою сумку. Уголок с диваном больше не укромен, значит, придется искать другой.

Но народ все прибывал. Большая его часть направлялась в Турцию, чтобы в середине осени снова оказаться в лете. Алиса тоже не отказалась бы от недельки на Средиземном море. Она нуждалась в «тюленьем» отдыхе с его бесцельным лежанием на пляже, ленивом купании в лагуне, пятиразовым питанием и коктейлями, выпитыми на закате. Алисе очень хотелось в Турцию вместе с остальными, но...

Она летела в Узбекистан по важному делу!

Скорбному делу, если точнее. Пока ей не до отдыха.

...Места на диване Алиса не нашла. Пришлось устраиваться за стойкой. Модный мулат сидел через три стула от нее, но она слышала его голос: мужчина говорил по телефону. С кем и о чем, Алиса не поняла, поскольку не владела английским. Зато она отлично знала французский, понимала испанский, а с недавних пор начала интересоваться китайским. Дальше трех уроков пока дело не зашло, но лишь потому, что время на пусть полезное, но хобби она находила с трудом.

Бутерброды были съедены, чай с молоком выпит, когда объявили посадку на рейс до Ташкента. Порадовавшись этому, Алиса заспешила на выход. Проходя мимо зеркала, приостановилась, чтобы оценить свой внешний вид.

«Похудела, – констатировала Алиса. – Но это не радует. Что странно, ведь всю жизнь я борюсь с лишним весом».

– Как Дон Кихот с ветряной мельницей? – неизменно отвечал на это ее замечание дед. – Что у него были воображаемые противники, что у тебя.

– Жир – мой реальный враг, – возражала Алиса. – Он повышает мое давление, мешает быстро двигаться, спать без храпа и... Носить короткие топы!

Только последнее было правдой (Алиса, в отличие от многих пухляшек, не оголяла свои складочки), но со здоровьем и подвижностью у нее все было в порядке. Похрапывала же она, только если засыпала сидя.

– Ты вешишь не больше восьмидесяти кило, – напоминал дед. – Это немного.

– При росте сто шестьдесят восемь? – Хотя бы с ним Алисе повезло. Ни большой, ни маленький, и сложение пропорциональное. – В твоё время нормальным считался вес, когда от роста отнимают сто, так что я даже по советским меркам имею лишние килограммы.

– Мы считали девушек, подобных тебе, аппетитными. И бегали именно за ними!

– А сейчас на диетах сидят даже те, кто носит размер «М». А я втискиваюсь только в «XL».

– В талии ты его подшиваешь, – напоминал дед. – И выглядишь великолепно.

Дед, естественно, был необъективен, но Алиса не только от него комплименты слышала. Многие говорили, что лишний жирок ее не портит, а наоборот. Да и ей самой на свое отражение смотреть было приятно. Не всегда, но зачастую. Алиса хорошо смотрелась обнаженной и с ног до головы одетой: в костюме, колготки, туфли на каблуке... Желательно еще и в шляпку. Шляпки ей невероятно шли! В них она походила на звезду советского кино. Жаль, такие образы в ее повседневной жизни не пригождались.

И вот она похудела! Кило на семь, не меньше. Брюки чуть пузываются на бедрах, жакет в груди стал свободнее, чем прежде, шейка вытянулась, подбородок обострился. Еще не в идеальном весе, но уже и не в чрезмерном. Размер «L» можно брать смело, а такой Алиса носила, когда училась на первых курсах университета, и с тех пор прошло около десятка лет.

«Худая корова – еще не газель!» – подумала она, рассмотрев свое отражение. Прочитывала классика, а именно маму. Та была кладезем крылатых фраз и выражений, а еще толстухой, которой лишний вес никогда не мешал.

В самолет Алиса зашла одной из первых. Села у окна и стала ждать остальных пассажиров. Каково же было ее удивление, когда среди них она узрела красавца мулата. Но этого мало, он уселся рядом и поздоровался с ней на русском языке.

– Здравствуйте, – пролепетала в ответ Алиса. И зачем-то спросила, как у соседа дела.

– Все хорошо, спасибо, – улыбнулся он в ответ. – Впервые в Узбекистан летите?

– Да. А вы?

– Ташкент – мой родной город, так что я часто там бываю. – На лице Алисы, по всей видимости, отразилось недоумение, и мужчина весело спросил: – Что, не похож я на узбека? – Она мотнула головой. – Потому что я русский, – еще больше развеселился попутчик и представился: – Саня.

– Алиса.

– У меня папа мавританец, – решил пояснить Саня. – А мама русская. Ее родители приехали в Ташкент из Самарской области, чтобы восстанавливать его после землетрясения, да так и остались.

– Мой дедушка тоже этим занимался! Он очень любил Ташкент, и когда услышал о землетрясении, все бросил в Москве и поехал...

Об этом Алиса узнала только год назад. Впрочем, она и деда узнала тогда же. Он ушел из семьи, когда его младшему сыну было полтора года. Бабушка его за это не простила и запретила детям общаться с отцом.

– Почему? – спрашивала у нее Алиса.

– Для меня он предатель, а таким нет прощения.

– Он что, загулял?

– Если бы! Это бы я смогла понять! – распалялась бабушка, краснея от возмущения. – Я бы переживала, конечно, оставь он семью ради любви к другой женщине, но к городу... Это в моей голове не укладывается!

– Я ничего не поняла, – вынуждена была признаваться Алиса.

– Твой дед рос в Ташкенте, – раздраженно, но терпеливо объясняла та. – До девяти лет жил там с родителями, а потом с мамой вернулся в Москву, тогда как его отец еще на два года остался (он работал главным инженером на эвакуированном во время войны заводе). И так Попкову, – бабушка называла своего бывшего мужа только по фамилии, – полюбился Ташкент, что он забыть его не мог. Все радостные детские воспоминания были связаны с ним, будто после девяти лет из жизни ребенка полностью ушло веселье...

– А что плохого в том, что дедушка поехал любимый город восстанавливать? – недоумевала Алиса... Но мысленно. Злить этим вопросом бабушку она не решалась.

– Землетрясение в 1966-м произошло, – продолжала та. – У нас семья была – полная чаша. Два прекрасных сына росли, квартиру мы получили, Попкова до начальника снабжения повысили, я из декрета вышла, работала в Доме пионеров руководителем кружка, мы садовый участок присматривали, в очереди на машину стояли... – Бабушкин тон изменился, в нем появилась грустинка. – В общем, все у нас было хорошо. И мы не ругались, даже не спорили. Попков покладистым был, всегда мне уступал, как будто силы копил на масштабный бунт. – Она опять посуровела. – Пришел однажды вечером и сказал: «Я еду в Ташкент!» Спросила,

надолго ли. Думала, в командировку. А оказалось, Попков уволился (из начальников снабжения завода!), чтобы работать на народной стройке в Ташкенте!

– Ты пыталась его отговорить, но не вышло?

– Нет, я поставила ультиматум. Сказала, если уедешь, оставив семью, в которой младший ребенок ясельного возраста, больше ее не увидишь.

– Дед предлагал вам с ним поехать?

– Конечно. Но я не дура, чтобы из Москвы уезжать в разрушенный город Средней Азии, да еще с двумя детьми. Старший в первом классе, во второй переводить, к малому любая болячка может прицепиться. Тем более когда живешь в общежитии, а летом температура на улице плюс сорок пять! И чего ради? Многие семейные тогда поехали на народную стройку, чтобы хорошо заработать, квартиры получить. Девчонки из глухих деревень за женихами отправились, а холостые парни за приключениями. И только Попков из одних лишь чистых побуждений... Но это только на первый взгляд!

– А на второй?

– Нашел повод уйти от нас. Знал, я не соглашусь ни на его отъезд, ни на наш переезд. И тут это чудовищное землетрясение в его любимом городе!

– Но вы же хорошо жили, сама говорила, – напомнила Алиса.

– А мужикам порой в благополучии скучно. На подвиги их тянет! Но я считаю, забудь о них, если семью завел. Так и сказала Попкову. И время на раздумье дала. Надеюсь, что он все осознает и откажется от своего решения, но нет... Собрал манатки и улетел в Ташкент.

– И ты его за это не простила? Но разве можно было рубить сплеча? – рискнула нарваться на гневную отповедь Алиса.

– Я ждала его почти год, – на удивление спокойно ответила бабушка. – Когда получила первую посылку, оттаяла немного. В ней изюм, орехи, мальчишкам тубетейки, мне халат и письмо от Попкова. В нем рассказ о том, как устроился, некоторые впечатления об увиденном в городе, приветы всем. Ну, думаю, ладно, не буду стервой, отвечу. Вместе с Женькой, – так звали старшего сына бабушки, дядю Алисы, – сочинили ответное письмо, рисунки в него вложили, фотографию общую. Отправили. Так и обменивались посланиями да посылками месяцев восемь. Но Попков и деньги регулярно перечислял (и от алиментов он не бегал, когда развелись), как будто они мальчишкам отца заменят. И вот об отпуске речь зашла. Пишет, приезжайте в гости, познакомлю вас с любимым городом, в Самарканд свожу на денек. Мы отвечаем – лучше ты к нам. Это ведь и проще, и дешевле. Но нет, не поехал.

– Почему?

– Не могу, говорит, надолго отлучаться. В домик из общежития переехал, там ремонт затеял, собаку завел, кормить надо, огород поливать, еще соседу, дядьке Мустафе, обещал за время отпуска помочь протезы выбить – во время землетрясения тому стеной здания ноги придавало, пришлось их ампутировать...

– Чужому дядьке помогал, а на семью свою забил? – прониклась бабушкиным настроем Алиса. – Точно предатель!

– А меня не это задело (Попков всегда сердобольным был), а то, что он там, в Ташкенте, обживается. Домик, собачка, огород. Значит, не собирается возвращаться.

– Тогда ты подала на развод? – Она кивнула. – Дед тут же согласился? Если да, то ты права, он нашел повод уйти, и, даже если бы ты отправилась за ним, как декабристка, семью не удалось бы сохранить. – Алиса помялась, раздумывая, стоит ли возвращаться к вопросу, который всплыл первым, и все же решилась: – Может, он все же загулял? И вместе с пассией переехал, чтобы с чистого листа начать?

– Нет, уехал он один (нашлись осведомленные знакомые). И все восемь лет, что пробыл в Ташкенте, жил бобылем.

– А по возвращении он не женился?

– Без понятия. Когда приехал в Москву, попытался с сыновьями встретиться, да те не захотели. Женька обиду на него затаил, а Колясик отца и не помнил. Для него он дядька чужой. И Попков снова куда-то умотал и больше о себе не напоминал.

Бабушка так и не простила бывшего мужа. Умирая, говорила детям: «Попкова на похороны не пускайте!» Хотела думать, что он узнает о ее кончине, явится, чтобы проститься, а его прогонят. Но Женя и Коля не знали, где их отец, и не собирались его искать. Для них он тоже оставался предателем!

Алисе было девятнадцать, когда бабушка скончалась. Она горевала, но недолго. Особой близости между ними не было, да и на переживания из-за собственных несчастий уходило много душевных сил. Поэтому уже через пару лет она почти забыла о бабушке, а о предателе-деде еще раньше, ведь о нем в их семье и не говорили. Алиса же была уверена, что он давно умер, но, как оказалось, ошибалась.

...Она сидела в офисе риелторского агентства, в котором работала, когда раздался судьбоносный звонок. На него ответила не Алиса, а ее начальница, но с ней разговаривать не пожелали.

– Спрашивают тебя, – несколько удивленно проговорила она, передав трубку подчиненной.

– Аллю.

– Алиса Николаевна Попкова?

– Она самая.

– Здравствуйте. – Голос мужской, возрастной, но приятный. – Мне нужен риелтор, и я хотел бы нанять именно вас.

– Вам меня рекомендовали? – порадовалась Алиса. Она недавно начала заниматься недвижимостью и пока заключила не так много сделок, как некоторые сотрудники их агентства.

– Нет, просто я тоже Попков, и мне легче будет доверять однофамилице. К тому же у вас замечательное имя, я бы таким дочку назвал, если б она у меня родилась.

– А вас как зовут?

– Дмитрий Валентинович. Так что, Алиса Николаевна, работаем? Я хочу продать квартиру в Строгине...

Она поехала на объект в тот же день. Не на машине, а на метро, чтобы проверить правдивость информации. Потенциальный клиент сказал, что от станции идти не дольше десяти минут сначала по живописной аллейке, затем по хорошо освещенной дорожке мимо стоматологической клиники и детской площадки. Так и оказалось. Двор Алисе тоже понравился, как и внешний вид дома, и она уже предвкушала быструю сделку. Даже с «дедушкиным» ремонтом квартира в этом районе быстро уйдет.

– Добро пожаловать, Алиса Николаевна! – поприветствовал риелтора владелец шестидесяти пяти квадратных метров в десяти минутах от метро. – Я чаю к вашему приходу заварил, и черного, и зеленого. Вы какой любите?

«Никакой, – хотелось бы ответить. – Я обожаю кофе». Но Алиса сказала:

– Пью и тот, и другой.

Однофамилец бросил перед ней тапочки, которые достал из только что вскрытого пакета. Алиса сунула в них ноги, радуясь тому, что не придется ходить по полу в носках. Он выглядел не очень чистым. В квартире вообще было плохо прибрано, но лишь потому, что ее владелец не справлялся с домашним хозяйством. Что неудивительно, ведь ему было хорошо за восемьдесят, если не под девяносто!

В молодости Дмитрий Валентинович, скорее всего, был мужчиной крупным. И высоким, и упитанным. У него до сих пор оставался небольшой животик, но конечности высохли, а плечи сторбились. И все же он держался молодцом, передвигался без трости, не запинаясь,

не покряхтывая. Лицо же его, хоть и морщинистое, вообще показалось Алисе мальчишеским: улыбка задорная, взгляд цепкий, любопытный, а брови домиком.

Когда они прошли в кухню, Дмитрий Валентинович стал возиться с заварочными чайниками. Пузатыми, синими, в цветах и позолоте.

– Вы единственный собственник? – спросила Алиса. Она не собиралась долго рассиживаться в гостях у одинокого пенсионера, а тот не торопился переходить к делам. – Насколько я знаю, дома эти сдавались как общежития.

– Все правильно. Моей была только одна комната, но я остальные выкупил. Соседи были беспутные, жить мешали.

– Давно это было?

– В пятнадцатом, кажется, и девятнадцатом. Документы в порядке, ты, Алиса Николавна, не беспокойся, – он перешел на «ты», но сохранил отчество. – И долгов у меня нет по квартплате. Не объект, а конфетка. Согласна?

– Мы пока ее не развернули. – Она привстала с табурета, обитого искусственным мехом. – Могу я осмотреться?

– Не спеши, чаю попей. С сухофруктами. Смотри какие! – И снял с полки вазу с курагой, черносливом и крупным изюмом. – Попробуй.

Она послушно взяла сушеный абрикос и отправила в рот.

– Вкуснятина, – прожевав его, резюмировала Алиса. – А изюм какой огромный! Я такого и не видывала.

– Узбекский, из самого Ташкента привезенный...

И тут Алиса, потянувшаяся к пиале с чаем, замерла. Однофамильца зовут Дмитрием, а ее отец... Дмитриевич! Он 1965 года рождения, а старику... хорошо за восемьдесят, если не под девяносто, и, это значит, он может быть родителем и его, и дяди Жени.

– У вас и посуда узбекская, как я посмотрю, – пробормотала Алиса. – Бывали там?

– Жил. И обожал Ташкент.

– Почему же не остались там?

– Обстоятельства заставили уехать навсегда, – с грустью ответил Дмитрий Валентинович.

Он тоже сел за стол, но опустил на кресло без ножек. Оно было водружено на крепкий деревянный сундук и прислонено к стене. Странная конструкция, но удобная для старика.

– Вы ведь не просто так захотели нанять именно меня? – решила не тянуть с волнующим ее вопросом Алиса. – И мы не просто однофамильцы?

– Значит, ты все же знаешь что-то о своем дедушке, – пробормотал он, и глаза его затуманились. – Скорее всего, нелицеприятные вещи?

– В нашей семье вас считают предателем, – не стала щадить старика Алиса.

– До сих пор?

– В эту пору о вас никто не вспоминает. Забыли, когда умерла бабушка. В семейных архивах нет ни одного вашего фото, она все уничтожила.

– Наверное, я это заслужил, – тихо и горько проговорил он. – И то, что я умираю в одиночестве, этому подтверждение, но... – Дмитрий Валентинович посмотрел Алисе прямо в глаза, открыто, по-доброму и, как ей показалось, с надеждой. – Если бы я был стопроцентным мерзавцем, провидение не послало бы мне тебя, девочка. Это же чудо, что я наткнулся на рекламу вашего агентства и увидел в ней девушку, очень похожую на ту, которую смертельно обидел. – Алисе все говорили, что она копия бабушки. – И фамилия такая же – я прочитал ее на бейджике...

– То есть квартиру вы не продаете?

Он был разочарован: не того вопроса ждал. Думал, внучка начнет его о жизни расспрашивать, узнавать его версию произошедшего, чтобы попытаться понять деда, подружиться с ним, простить, наконец...

А она как чужая!

– Хочешь, продавай, когда помру, – буркнул Дмитрий Валентинович. – Я ее тебе оставляю.

– У вас еще есть внуки – Женины сыновья. И правнучка имеется.

– Но провидение мне послало тебя, Алиса. Не Женькиных детей, а Колину дочку, так похожую на бабушку. – Он взялся за пиалу с остывшим чаем. Руки деда подрагивали. – Ты сама решай, как лучше все оформить, через наследство или дарственную, и приезжай ко мне с нотариусом. – Дед сделал-таки глоток чая. – Копии документов в прихожей на тумбочке лежат, заberi. Пока.

И отвернулся к окну, за которым поднявшийся ветер трепал пожелтевшие макушки кленов.

* * *

Она приехала к старику уже на следующий день, но без нотариуса.

– Ты чего одна? – спросил он.

– Я проведать.

– Проверяешь, не скопытился ли раньше времени? – усмехнулся дед. – Ладно, заходи, чай будем пить. Или тебе кофе? У меня и он есть, растворимый, правда.

Сегодня он шел тяжелее и придерживался за стену.

– Вы как себя чувствуете? – обеспокоилась Алиса.

– Колени ломит, к дождю, а так нормально. – И снова он привел ее на кухню. Пожалуй, именно в ней старик проводил бо`льшую часть времени: тут и удобное кресло, и свежесваренный чай, и телевизор, настроенный на канал о путешествиях. – Ты, Алиса Николавна, перестань мне выкать, ладно? Родня как-никак.

– Тогда ты не обращай ко мне по имени-отчеству.

– Лисенком называть буду, не против? Я ведь не врал, когда говорил, что мечтал о дочке, которую бы Алисой назвал.

– Мог бы родить во втором браке.

– Мог бы – родил.

– То есть второй брак был?

– Гражданский, но в таком возрасте, когда деток только из снега слепить можно. – Поймав ее недоуменный взгляд, пояснил: – Про Снегурочку я. Неужели не помнишь сказку о старике и старухе, которые доченьку себе слепили?

– Она еще растаяла, когда через костер прыгала? Кажется, я видела такой мультик.

– Ох, молодежь-молодежь, – прокряхтел дед и плюхнулся в свое кресло, чтобы дать ногам отдохнуть. – Не рассказывала отцу о нашей встрече? – Алиса мотнула головой. – Боишься, что за связь с предателем тебя расстреляют?

– Он живет не в этом городе и с другой семьей, мы очень редко общаемся. Хочешь, покажу фотографии?

Три часа они посвятили этому. Сначала Алиса показывала снимки из телефона деду, потом он из сундука под креслом достал свой фотоальбом, и они углубились в его изучение.

– А ты был красавчиком, – заметила Алиса. – Статный, зеленоглазый, чернявый, а усищи какие!

– Как у Боярского.

– Кстати, похож на него, но не комплекцией.

– Да, я широкоплечим был, с большими ручищами, ножищами сорок пятого размера. В Узбекистане меня Батыром называли, богатырем то есть.

С дедом было так интересно! Если бы не срочный рабочий звонок, никуда бы Алиса не уехала.

– Ты с завещанием не тяни, – на прощание сказал дед. – Я в любой момент могу кони двинуть. Вези нотариуса, чтоб мне спалось спокойно.

Уже через неделю все было улажено, а через месяц дед занемог. Алиса всполошилась, начала врачей на дом вызывать, и из поликлиники, и из частных больниц. Старику прописывали одни лекарства за другими, она покупала их, но Дмитрий Валентинович все тайком выкидывал. Когда Алиса застала его за этим, рассердилась:

– Ты что творишь, старый хрыч? – она никогда бы не позволила себе так называть даже постороннего пожилого человека, не говоря уже о родном, но дед не считал слово «хрыч» обидным. «В просторечии это просто «старик», – пояснял он. – Так что прилагательное к нему добавлять не нужно. Тавтология получается!»

– А я говорил тебе, что не нужны мне таблетки! – ответил внучке Дмитрий Валентинович. – Но ты, упрямица, все покупаешь их! Деньги только тратишь...

– Свои – не твои, так что не жалеи.

– Как видишь, не жалею, – ехидно возразил он, смыв таблетку в унитаз. – Мне уже ничем не поможешь, ни лекарствами, ни травами, ни даже молитвами. Умираю я, Лисенок.

– С чего бы? Я видела твои анализы, они не так уж плохи. А для твоего возраста – идеальны. Если будешь слушаться врачей, до ста лет доживешь.

– Мне восемьдесят восемь отмерено.

– Тебе уже столько, но все еще жив.

– Это пока. – И потопал обратно в кресло. Он хоть и чувствовал себя плохо, но в кровать укладывался, только если хотел спать. – Но дольше четырех месяцев мне не протянуть. – Ровно через столько ему должно исполниться восемьдесят девять. – Бахши на этот счет не ошибаются.

– Кто это такие?

– Шаманы.

– Дед, ты же образованный человек! – простила Алиса.

– Я трижды на краю гибели оказывался. И первый раз в шесть лет. Заболел брюшным тифом. В Средней Азии в годы войны от него тысячами умирали. Отец меня тогда к шаману повез, и тот сказал, оклемается, долгая жизнь у него впереди. Второй раз я опять же в Ташкенте чуть не умер. Уже взрослым. Город трясло еще несколько лет после того катаклизма, и я под завалами оказался. Ноги мне переломало (с тех пор болят), ребра. Сутки провел под землей. Вытащили полумертвого. Дядька Мустафа, друг мой, шамана привел. После его обряда я на поправку пошел. А когда совсем выздоровел, отправился к нему, чтоб отблагодарить. Бахши сообщил, что он ни при чем, я бы и сам выкарабкался, потому что духи за мной будут приглядывать еще долго. Насколько? – спросил я. Тот кости мне дал, велел раскинуть. Они показали два одинаковых символа, похожих на знаки бесконечности или цифры 8.

– И бахши решил, что ты в этом возрасте и умрешь?

– Духи решают, – серьезно возразил дед. – А шаман только передает их послания. Тот, с кем имел дело я, сказал: «Встретишься со своими умершими предками на краю бесконечности!»

– То есть в восемьдесят девять лет? – фыркнула Алиса.

– Если на краю, то в восемьдесят восемь.

– Это же притянута за уши!

Дмитрий Валентинович от разговора устал, поэтому поспешил его закончить:

– Пятнадцать лет назад я утонул. По-настоящему, понимаешь? Я упал с лодки во время рыбалки, захлебнулся, перестал дышать. Был мертв сорок секунд, но меня вернули. И если это не духи, то кто?

– Люди, что достали тебя со дна и сделали искусственное дыхание.

– Но кто их направил?

– Чудишь ты, дед.

– Мне по возрасту положено. А теперь помоги до кровати дойти, посплю немного.

Алиса уложила его, а на следующий день переехала к деду. Если он добровольно таблетки принимать отказывается, она будет его лечить насильно, тайком добавляя их в компот.

Хитрость помогла. Уже через две недели Дмитрий Валентинович окреп настолько, что начал не только свободно передвигаться по квартире, но и во двор выходить. Дед гулял по аллейке, болтал с ребятней и их мамами на детской площадке, заглядывал к дворнику, чтобы сыграть с ним в домино. Алиса смогла выдохнуть и снова вернуться к работе, но не домой. Когда дед под ее присмотром, ей спокойнее. Да и интересно с ним! Все равно у Алисы никакой личной жизни, а с подругами встречи не часты.

Дед с внучкой подолгу болтали вечерами, попивая чай, к которому первый пристранил вторую, но оба избегали больной темы, а именно предательства Дмитрия Валентиновича. Алиса много раз порывалась вызвать его на откровенный разговор, но сдерживала себя. Захочет, сам расскажет... Он не хотел!

Когда до дня рождения деда оставалось несколько дней, Алиса позвонила отцу. Она сообщила ему о том, что Попков-старший жив, и спросила, не хочет ли тот поговорить с ним.

– Зачем мне это делать? – удивился тот. – Я этого человека не знаю.

– Ему было бы приятно твое поздравление с днем рождения.

– Не думаю, – и перевел разговор, а вскоре закончил.

Дяде после него Алиса звонить не стала, хотя собиралась. Он-то в Москве, мог бы не только по телефону с отцом поговорить, но и встретиться. Быть может, Дмитрий Валентинович перед ним скорее раскроется и сын перестанет считать его предателем?

В итоге отмечали они праздник вдвоем. Алиса кухню украсила, накрыла стол, купила подарок (красивую трость), гранатового вина каждому по стопочке налила. Поздравила, в общем, от души.

– Спасибо тебе, Лисенок! – Дед благодарно поцеловал ее в щеку. – Не только за этот банкет и не столько... За счастье, которое ты подарила мне перед смертью.

– Дед, ты опять? Тебе восемьдесят девять, но ты в порядке. Мы перехитрили духов.

– Я родился около полуночи, – улыбнулся он. – Формально мне еще восемьдесят восемь. Но ты права, не будем о грустном. – Он встал, опершись на новую трость. – Пойдем в комнату, я покажу тебе свой тайник.

– У тебя и такой есть?

– Он у всех стариков имеется. Только остальные в нем деньги прячут, ценности, завещания, а я дорогие моему сердцу вещицы.

Дед провел ее в свою комнату, именно ее дали ему как специалисту. Вернувшись в Москву из Ташкента, он устроился на железную дорогу экспедитором. До шестидесяти лет по командировкам мотался, весь Союз объездил, а когда тяжело стало прежний ритм переносить, перевелся в депо. Оттуда его уже, как говорил сам Дмитрий Валентинович, пинками выгоняли. Не хотел он на пенсии дома сидеть, вот и трудился до семидесяти двух.

– Потом уже неофициально работал, – добавлял он. – На стоянке грузовых машин стоим. И не скучно, и денежка капает. Главное же, всегда можно в путешествие отправиться. Дальнобои со мной дружили и брали с собой, если просился.

– А вот и тайник, – проговорил дед, достав из ящика жестяную коробку из-под чая. С ручкой и замочком. Старики обычно такую красоту не выбрасывают, когда пакетики заканчиваются, а превращают в шкатулки. – В нем все ценное лично для меня. Специально в непромокаемый контейнер положил, чтоб не пострадало содержимое. А то соседи сверху залить могут, у них уже батареи отопления лопались.

Говоря это, дед доставал из ящичка предметы. Первой на свет показалась тубетейка.

– Отец в ней ходил, когда мы в Ташкенте жили, – пояснил Дмитрий Валентинович. – Считал ее счастливой. Снял перед тем, как застрелиться.

– Он покончил с собой? – поразились Алиса. – Бабушка этого не рассказывала.

– Она не знала. Мы с мамой ото всех скрывали этот факт.

– Он это сделал по возвращении в Москву?

– Сюда его уже в цинковом гробу привезли. В Ташкенте застрелился. На него кто-то на заводе доносы строчил, и на отца завели дело, как на антисоветчика, но собирались обвинить в шпионаже. За такое если не расстреливали, то отправляли в лагеря на пожизненное. Чтобы избавить меня от клейма «сын врага народа», папа покончил с собой.

– Мне очень жаль...

– И мне. Потому что застрелился он в сорок девятом, а в 1953-м умер Сталин, и репрессированных начали реабилитировать. – Дед достал из коробки косынку. Линялую, но чистую. – Это память о маме. Она, когда овдовела, начала повязывать голову платками. А до этого шляпки носила. В Ташкенте летом жарыща неимоверная, и мама голову прикрывала. Сначала панамками, но, когда мужа повысили до главного конструктора, перешла на более изысканные уборы. Шляпки не очень ей шли, косынки больше. Она у меня из деревенских была.

– Прабабушка рано умерла, да?

– В сорок четыре. Я тогда только из армии пришел, не успел с ней толком наговориться, как скончалась она.

– Болела?

– Кашляла. Думала, бронхит, лечилась горчичниками да медом. Оказалось, воспаление легких. Когда в больницу доставили, поздно было. – Он разгладил морщинистой рукой косынку и оставил ее, чтобы взять стопку газетных вырезок, перевязанных бечевкой. – Дядька Мустафа, самый большой мой узбекский друг, если не сказать старший брат, собирал статьи обо мне в ташкентской прессе. Я передовиком был, и он очень мной гордился. Когда я уезжал, сунул мне подборку, велел хранить.

– А кто это? – спросила Алиса, увидев последний предмет в тайнике: черно-белую фотографию смеющейся девушки.

– Фатима, моя первая любовь, – с нежностью проговорил он.

– Можно? – Когда дед кивнул, она взяла фото в руки, чтобы лучше рассмотреть. – Какая очаровательная барышня. Сколько ей тут?

– Тринадцать.

На этот возраст Фатима и выглядела. Тоненькая, остроносая, с ямочками на щеках, она не позировала, а искренне смеялась в камеру. Ее черные волосы были заплетены в косички, голову украшала тубетейка, а уши – длинные сережки.

– Это отец ее сфотографировал, когда мы только переехали в Ташкент. Увидел девочку озорную, она носилась по улочке за кошкой, желая привязать к ее хвосту бант, остановил и сказал: «У москвички две косички, у узбечки двадцать пять!» Она русского не знала тогда, но все равно засмеялась. Тогда-то я в нее и влюбился.

– Сколько же тебе было?

– Пять.

– Ранний ты какой, дедуля.

– Любви все возрасты покорны. Забыла?

– И выбрал в дамы своего сердца взрослую барышню. Она уже на выданье была, наверное? В Средней Азии рано детей женили, не так ли?

– До революции, – разъяснил дед. – А при Советском Союзе раньше шестнадцати девушку замуж нельзя было выдавать ни в кавказских, ни в азиатских республиках. А с шестидесятых возраст вступления в брак до восемнадцати подняли, как и везде по стране. Так что

нет, Фатима была даже не просватана. И я планировал стать ее мужем. Не только мечтал, понимаешь? Именно планировал. Просил девушку дожидаться меня.

– А что она? – улыбнулась Алиса.

– Смеялась и гладила по голове. Но я не отставал. Даже папу просил сходить к ее отцу и попросить руки Фатимы. – Дед тоже усмехнулся. – Мне было девять, когда родители решили, что мы с мамой должны вернуться в Москву. При расставании с Фатимой я сказал, что мой отъезд ничего не меняет и я по-прежнему хочу видеть ее своей женой. Кольцо подарил из проволоки. Был уверен, моя невеста (я ее именно так воспринимал) дождется. Но через полгода отец сообщил, что Фатима просватана. В восемнадцать она вышла замуж.

– Твое сердце было разбито?

– На мелкие кусочки. И я велел себе ее разлюбить.

– Получилось?

– Думал, что да. Но в каждой девчонке, которая мне нравилась, было что-то от Фатимы. – Дед смотрел на фотографию не отрываясь, пока Алиса не перевернула ее и не увидела на обороте надпись: «Май 1942». – А вскоре умер отец, у мамы сахарный диабет развился на нервной почве, сгорел барак, в котором мы жили, и два соседа вместе с ним... Стало не до любовей!

– Но ты Фатиму не забыл, раз до сих пор хранишь ее фото? – Только ее, а не бывшей жены и сыновей. Они, получается, ничего не значили для Дмитрия Валентиновича? Дядька Мустафа – да, они – нет. – И не ради ли своей первой любви ты бросил семью и помчался в Ташкент?

– И да, и нет.

– Либо да, либо нет! – рассердилась Алиса. – Другого не дано!

– Когда я узнал о землетрясении в Ташкенте, то сразу подумал о Фатиме. Как она там? Не пострадала ли? Эпицентр находился в центре города, где махалля ее семьи!

– Махалля... Что это?

– Квартал, застроенный частными домами. Во времена моего детства в каждом была своя чайхана, в которой собирались старейшины, решающие вопросы самоуправления. Жители махалля держались вместе, как правило, роднились с соседями. Их объединяла или национальность, или ремесло. Отец Фатимы был искусным чеканщиком, и его, приехавшего с семьей из далекого кишлака, приняли в квартал ювелиров.

– Все, я поняла, – перебила его Алиса. – Давай о Фатиме, о которой ты подумал, едва узнал о землетрясении. Она не пострадала?

– Нет, хотя их махалля была частично разрушена. Но Фатима давно переехала в другой район города. Она вышла замуж не за своего, а за парня с завода, на котором работал мой отец. Собственно, он являлся его секретарем, через папу Ильяс с Фатимой и познакомился. Он татарин, единовец, и семья была не против. Окружение тоже. Когда я нашел Фатиму, у нее уже было трое детей. – Дмитрий Валентинович исподлобья посмотрел на внука. – Поэтому я ответил тебе неоднозначно. Да, я сорвался в Ташкент из-за Фатимы, но нет, не из-за нее я в нем остался.

– Ты бабушку совсем не любил, раз бросил?

– Не знаю. Иногда казалось, что чувства есть. И жили мы хорошо. Но мне, наверное, вообще не нужно было жениться. Я в браке задыхался. То, чем гордилась жена, моя должность, квартира, югославская стенка, не приносило мне радости.

– А дети? – напряженно спросила Алиса. – Тоже нет?

– Я их обожал. И никогда бы не бросил. Но мне не оставили выбора. – Внука покачала головой. – Не согласна? Ты женщина, ты солидарна с бабушкой...

– Зачем ты вообще женился, если хотел для себя другой жизни?

– Не знал я тогда, чего хотел! Пришел из армии, мать похоронил, в техникуме отучился, на работу устроился, и тут она... Зоя! – Так звали бабушку. – Бойкая, веселая, хорошенькая! Но и порядочная, воспитанная, не какая-то финтифлюшка. Быстро она меня в оборот взяла.

И родители ее поспособствовали этому – они нашу семью знали и выбор дочери одобряли, поэтому активно меня обрабатывали. Пора, мол, уже семью создавать, не мальчик уже (а мне двадцать три!). Мать про домашний уют мне нашептывала, отец про карьерную лестницу, по которой семейных быстрее продвигают. Не успел я оглянуться, как мы уже женаты. Через год Женька родился, еще через пять – Николяшка. И вот у меня и уютный дом, и карьера, и два сына прекрасных... А я несчастлив!

– Никогда не жалел о том, что из семьи ушел?

– Нужно было иначе себя повести, чтобы сохранить отношения хотя бы с сыновьями. Зоя меня в любом случае не простила бы, потому что ее я, как ни крути, бросил. Предал, как она считала.

– Бабушка ждала, что ты одумаешься и вернешься.

– Правда? И это после ультиматума? Неужели так хотела сохранить видимость идеальной семьи?

– Или так тебя любила, что готова была простить? Дед, бабушка ведь больше ни с кем не жила и, как говорит отец, даже не встречалась. А она красоткой долго оставалась... – Видя, как опускаются уголки дедовых губ, Алиса спохватилась: – Зря я этот разговор затеяла! Прости, что заставила тебя грустить. У нас праздник, мы перехитрили духов.

Алиса обняла деда. Крепко-крепко. Чувство к нему переполняло ее.

– Люблю тебя, старый хрыч, – прошептала она, уткнувшись старику в шею.

– И я тебя, Лисенок, – ответил он. – Но мы не закончили с тайником.

– В нем есть еще что-то?

– Пока нет, одного предмета недостает.

– Где его взять?

– Сними с себя. – И указал на брошь в виде розы, что Алиса прикрепила на блузку. Цветок был изготовлен ею лично из крахмальной ткани. На досуге она развлекалась изготовлением аксессуаров. – Хочу, чтобы в тайнике лежала вещь моего Лисенка. И теперь, когда она там, – она сняла брошь и уложила на дно чайной коробки, – хочу озвучить свою просьбу: когда я умру, положи все эти вещицы в мой гроб. Хочу по примеру египетских фараонов забрать их с собой на тот свет. Пусть сгорят вместе со мной и станут прахом.

– Хорошо, дедушка, – покладисто согласилась со стариком Алиса, понимая, что разговор о смерти сегодня не избежать.

– А прах отвези в Ташкент и развей в любом понравившемся тебе месте – я все уголки этого города люблю.

Сказав это, он вернул коробку на прежнее место и тяжело опустился на диван.

– Устал, – выдохнул он. – Подремлю.

– А я пойду мыть посуду. Сладких снов.

Он кивнул и смежил веки. А Алиса вернулась в кухню, чтобы пробыть там до полуночи. Едва часы показали четыре ноля, она заглянула в комнату деда, склонилась над ним, прислушалась...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.